

«Каспий – Персидский залив»: комплексные экономические и геополитические эффекты проекта канала^{*}

Caspian-Persian Gulf: Complex Economic and Geopolitical Effects of the Canal Project

Р. ДАНИЛКО

Данилко Роман Георгиевич, преподаватель Северо-Западного института управления – филиала РАНХиГС (г. Санкт-Петербург). E-mail: Danilkoroman@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена тематике внешних эффектов, которые отражают не только взаимосвязи между развитием отраслей экономики, но и влияние мегапроектов на отрасли и макроэкономическую динамику в целом. Можно прогнозировать, что при всей значимости вопросов рентабельности, денежных потоков и окупаемости проектов, положительные экстерналии по масштабу и долгосрочности могут иметь как минимум сопоставимые экономические эффекты для государства и мощные внеэкономические эффекты – такие, как повышение уровня национальной безопасности.

В статье обрисованы некоторые аспекты конвертации внешних эффектов от мегапроектов в макроэкономические – что, по мнению автора, представляет собой отдельное перспективное направление развития не только экономических наук в XXI–XXII веках.

Ключевые слова: мегапроекты, положительные экстерналии, канал через Иран, геополитические риски, предотвращение геополитических рисков для экспорта, ОПЕК, БРИКС.

Abstract. This article explores the topic of externalities, which reflect the interrelations between the development of not only economic sectors but also the interrelations and impact of megaprojects on sectors and macroeconomic dynamics as a whole. It can be predicted that, despite the importance of issues of profitability, cash flow, and project payback, positive externalities, in terms of scale and longevity, can have at least comparable economic effects for the state and powerful non-economic effects, such as national security.

This article outlines several aspects of converting externalities from megaprojects into macroeconomic ones, which, according to the author, represents a promising area of development not only for economic sciences in the 21st and 22nd centuries.

Key words: megaprojects, positive externalities, Iran channel, geopolitical risks, preventing geopolitical risks to exports, OPEC, BRICS.

К числу экономических предпосылок актуальности статьи можно отнести не только фундаментальные вопросы рентабельности, денежных потоков и окупаемости проектов, а также и перспективную тему внешних эффектов от реализации крупных проектов. Такие положительные внешние эффекты, или экстерналии (externality), в силу сложности и масштаба в разрезе мегапроектов приобретают долгосрочный характер, при этом формируются денежные потоки и иные полезные эффекты в нескольких отраслях экономики стран, участвующих в реализации мегапроектов.

К числу геополитических предпосылок актуальности статьи можно отнести усиление геополитических рисков в торговле, особенно так называемыми геополитическими товарами – углеводородами, зерном, удобрениями. Летом 2023 года стало ясно, что в случае крупных региональных конфликтов противостояние неизбежно выливается и в плоскость крупных экспортно-импортных операций, в том числе транзитных, которые могут быть поставлены под угрозу сторонами конфликта. Так, правительство Украины угрожает шести крупным портам юга России – Анапе, Геленджику, Новороссийску, Сочи, Тамани и Туапсе [4].

^{*} Ссылка на статью: Данилко Р.Г. «Каспий – Персидский залив»: комплексные экономические и геополитические эффекты проекта канала // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2025. № 6. С. 45–49. DOI: 10.34773/EU.2025.6.7.

Экономические предпосылки проекта строительства канала через Иран в своей сложной взаимосвязи через цепочку производных имеют положительные внешние экономические и геополитические эффекты, в свою очередь пересчитываемые в экономический знаменатель. Среди них можно выделить следующие группы:

а) постепенное увеличение доли акватории Чёрного моря, через которую осуществляется внешняя торговля России;

б) постепенный сдвиг грузопотоков в морской торговле через Чёрное море таким образом, что использование акватории Каспийского моря становится реальной альтернативой;

в) рост значимости акватории Чёрного моря в торговле геополитическими товарами – газом, пищевыми маслами и зерновыми;

г) рост специфических коммерческих и геополитических рисков в торговле через проливы Босфор и Дарданеллы;

д) ориентация России на стратегический региональный союз с Республикой Иран, который имеет военную, технологическую и экономическую компоненты. Исходя из вышесказанного, можно просчитывать и экономические эффекты от этого проекта, имеющего комплексный статус.

Проект канала, исходя из экономической и геополитической составляющих, имеет долгую историю. После 1953 г., когда политика СССР стала менее экспансионистской, руководство Ирана допустило многовекторность в своей политике. В 1956 г. состоялся визит Шахиншаха в СССР, а намерения предметно стали обсуждаться после 1962 г., конечно, не без сопротивления США и Великобритании, Турции и даже Саудовской Аравии. Это не могло компенсировать поддержку, например, Ирака, заинтересованного в СССР. Даже в 70-е гг. руководство Ирана, особенно после революции, не решалось идти против давления США – импортёра 60-70 % иранской нефти и инвестора 35-40 % вложений. На сегодня включение Аравии в зону БРИКС, приглашение Тегерана и Багдада к единой зоне ПВО/ПРО с Россией существенно снижают политические преграды, стоящие перед проектом.

Вне всякого сомнения, решение будет приниматься и политическое, что заслуживает отдельного исследования – позиции Индии, Аравии, Китая и т.д. Ведь рядом главный оппонент ИРИ – Израиль, тоже не спешит строить свой канал, альтернативный Суэцкому, и именно по политическим мотивам.

Экономическая составляющая подразумевает как минимум 3 основных маршрута. Самый короткий (порядка 700 км) может выйти к Заливу рядом с иракской Басрой (что создаёт синергию). Есть 2 варианта, ведущие к крупнейшему порту Ирана – Бендер-Аббасу (что удобнее для вектора на Индию).

Накануне выхода статьи руководство ИРИ объявило положение с водоснабжением как чрезвычайное, и сообщило о планах «эвакуации» части столичного региона. И именно этот фактор, а не финансовый, может приостановить реализацию проекта.

Тем не менее, учитывая экономические и геополитические эффекты, субсидирование проекта в объеме 5 и даже 7-8 % ЗВР ЦБ России представляется целесообразным. Сам проект канала может стать частью более крупного проекта 3-5 стран по распределению воды, энергии, сырья и товаров.

Такая логика диктуется ростом перспектив южного направления внешней торговли России и необходимостью снижать имеющиеся риски – что конкретизировано далее.

Значение акватории Чёрного и Каспийского морей (далее – АЧМ) во внешней торговле России выглядит следующим образом (рисунок).

*Значение акватории Чёрного и Каспийского морей в грузообороте портов России
Источник: данные Ассоциации морских портов России на 2021 год [3].*

Анализ динамики грузооборота показывает, что складывается следующая тенденция: если в постпандемийный (восстановительный) год доля АЧМ составляла 263,8 из 835,2 млн тонн, т.е. 31,58 %, то по тренду 2023 года доля бассейна АЧМ составила 205,9 из 601,3 млн тонн, или 34,24 %. То есть на фоне объяснимого внешними факторами падения грузооборота значение южного «вектора» даже увеличилось. Грузооборот Черноморского бассейна вырос год к году уже как минимум на 18 %, а Каспия – на 37,3 %, достигнув скромных пока 5 млн тонн. Всего же грузооборот портов России прибавил 8,7 %. Автор считает, что по всем направлениям, кроме Каспийского, рост почти на 100 % является восстановительным. Отдельно нужно анализировать Дальний Восток, применительно же к Каспию прирост будет долгосрочным и соответствует развитию коридора «Юг».

Динамика АЧМ во внешней торговле России геополитическими товарами выглядит ещё более внушительно: если на последний год *предыдущего геополитического цикла* (2013), доля направления в торговле геополитическими товарами составляла 15–30 % от всего экспорта через порты, то в настоящее время квота геополитических товаров продолжает увеличиваться, достигая 20-50 % по различным группам экспорта, включая секретные.

Классическим геополитическим товаром считается нефть (а также её производные). Расчёты по источникам [5] показывают следующий тренд: если тенденция между предпандемийным (2019) и пандемийными (2020–2021) годами показала не очень большое увеличение доли АЧМ в экспорте, с 35 до 45 % в отдельные месяцы года; то в результате геополитических веяний доля АЧМ в отдельные месяцы на фоне общей волатильности экспорта стала приближаться в половине месяцев 2023 года к решающим 50 %. То есть направление стало критически важным, и тому есть институциональные пояснения.

Институциональные или даже экзистенциальные тенденции – это тенденции, которые очень сложно переломить, как, например, роль географических факторов в моделях сепаратизма [2; 3; 5]. Особенности мышления населения стран Средиземноморья и расположенных южнее территорий, сравнительно с севером Европейского континента отмечали ещё З. Фрейд и К. Юнг. По мнению опрошенных экспертов – представителей спецслужб, вооружённых сил, логистических компаний Москвы и Санкт-Петербурга, работников ИМЧ РАН им. Н.П. Бехтеревой, работников ГУМРФ и РАНХиГС и т.д. – можно говорить о тенденции:

на южном векторе (в частности, в бассейне АЧМ) России и её компаниям будет проще обходить рестрикции, навязываемые ядром «Запада», учитывая два основных фактора:

1) определённые особенности принятия решений управленцами стран на данном направлении, странах-партнёрах России и даже странах ЕС, в пользу кратко- и среднесрочных целей – в отличие от США, Великобритании и ФРГ, где управленцы и тем более политические и экономические элиты способны к более долгосрочным решениям;

2) неявный сепаратизм даже стран юга ЕС от метрополии, не говоря уже о странах глобального Юга.

Таким образом, на «южном направлении» работать и реализовывать взаимовыгодные торговые отношения в нынешнем геополитическом цикле (с 2014 г.) гораздо легче, чем на «западном» векторе – что и находит отражение в перераспределении маршрутов торговли геополитическими товарами. По вопросам транспортировки отдельных категорий геополитических товаров, то есть товаров, торговля которыми может оказать влияние на геостратегическую переговорную позицию таких стран как Индия, Египет, Алжир, Турция, Иран и Сирия, развивать транспортные коридоры будет значительно проще.

По средневзвешенной оценке привлечённых автором экспертов, стратегический канал «Каспий – Персидский залив» может взять на себя следующие доли торговли АЧМ, в том числе геополитическими товарами:

1. По торговле на АЧМ в целом – 10–15 % (1 десятилетие после ввода канала);
2. По торговле калийными удобрениями – более 25 % всего экспорта страны (за счёт южноазиатского и африканского векторов);
3. По торговле зерновыми – 10–15 % вывоза через АЧМ (в 1 десятилетие), и более 30 % в следующее.

В качестве понятия геополитических товаров (ГПТ) автор исходит из следующих критериев (таблица).

Ключевые геополитические товары и сила критерия	Критерии геополитических товаров и их сила (1–10 баллов)		
	Доля товара, как компонента в энергопроизводственных циклах 2–3 НТР	Роль товара в текущем геополитическом цикле	3. Влияние вероятности экспортного эмбарго в отношении товара на переговорную позицию
1. Нефть	7-8	7-10	8-10
2. Природный газ	7-8	6-9	6-8
3. Зерновые	1	6-7	6-8
4. Удобрения	2-3	5-8	5-8

Как уже было указано, в некоторые месяцы 2023 года доля АЧМ в торговле ключевым ГП товаром – нефтью, составляла более 50 %.

Аналогичная тенденция наблюдается в отношении зерновых и удобрений. В меньшей степени она характерно для природного газа, торговля которым смещается в Восточную Азию – на это была направлена геополитика последнего десятилетия, там, как и предупреждал лидеров ЕС В.В. Путин, рынок стал премиальным [4]. Таким образом, учитывая геополитический характер значительной части содержания экспортного направления и способность руководства России влиять на контрагентов в плане исполнения договоров, развивать данное направление выгодно.

В физическом плане это может найти отражение в развитии коридора через Иран посредством развития наиболее дешёвого вида транспорта – водного.

Оценка макроэкономических эффектов от развития транспортных коридоров на южном направлении в целях дальнейших расчётов окупаемости может включать следующее:

- 1) улучшения плеча логистики и конкурентности некоторых геополитических товаров (нефти, зерновых, удобрений), а также негеополитических товаров – растительного масла, других химикатов, продукции машиностроения;

2) поддержки отечественных гидростроителей в свете дальнейших перспектив проектов в самой России.

Геополитические эффекты проекта, переведенные в денежный знаменатель, могут включать:

1) укрепление отношений с республикой Иран, странами Персидского залива, в т.ч. Саудовской Аравией, ОАЭ, Египтом и Эфиопией. Все эти страны вошли в расширенный состав BRICS, и все эти страны, кроме Эфиопии, прямо или косвенно влияют на обороноспособность России на южных рубежах. При этом развитие отношений позволяет экономить на военных расходах;

2) увеличение торговли ГПТ (во многом до степени монополизации рынков) будет подкреплено улучшением логистики [1];

3) развитие коридора позволит взаимодействовать с руководством Казахстана на рынках зерновых и нефти. Частичный контроль над коридором и диверсификация экспорта Казахстана на юг снизит его зависимость от западных рынков, позволит в перспективе создать картели по зерновым, нефти, металлам и т.д.;

4) более активное проникновения в Казахстан – это важное военное направление, позволяющее, кроме обеспечения внешнеторговых эффектов, экономить на военных расходах. Возможно развитие до перспективы создания с Казахстаном и Белоруссией Союзного государства или федерации;

5) наконец, развитие Южного коридора укрепит торговые отношения с Индией, балансирующей в отношениях с Западом. Оно позволит усилить вовлечённость Индии в BRICS, усилить горизонтальные связи, увеличить военную безопасность России на длительном горизонте, усилить влияние на индийском стратегическом рынке оружия на среднем и длительном горизонтах.

Без геополитических инструментов Россия рискует утратить влияние, в том числе и на рынках вооружений. А реализация канала «Каспий – Персидский залив» усилит позиции АПК, ВПК, химической и машиностроительной промышленности России.

Литература

1. Гаургаев М. Экспорт российского зерна в условиях нового геополитического дискурса / Агроинвестор [Электронный ресурс]. URL: <https://www.agroinvestor.ru/opinion/article/39858>
2. Путин заявил, что рынок газа Европы утратил премиальность / ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/15678299>
3. Статистика / Ассоциация морских торговых портов России [Электронный ресурс] URL: <https://www.morport.com/rus/content/statistika-0>
4. Украина предупредила о «военной угрозе» в акватории шести российских портов / ТАСС [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18451383>
5. Global Data / Haver Analytics [Electronic resource]. URL: <https://haverproducts.com/products/>